

З.И. Герсон

«Ионыч»

В «Ионыче» (1898) образ города дается не развернутой картиной городских нравов, не обобщающими характеристиками, а картиной жизни «талантливейшей» семьи Туркиных.

Жизнь их показана выборочно — несколькими яркими штрихами. Каждый член семьи отмечен своим талантом. Туркин постоянно шутит, жена пишет длинные романы о том, чего никогда не бывает в жизни, дочь играет на рояле. Запах жареного лука и стук ножей в кухне знаменуют присутствие гостей и ожидающий их обильный ужин.

Так частное и незначительное, казалось бы, случайное является формой проявления общих, закономерных явлений. Пошлость, паразитизм, бесцветность жизни талантливых людей города свидетельствуют о том, как скучны и бездарны обыватели в своей массе.

Первая встреча Старцева, молодого земского врача, в расцвете сил и надежд, с Туркиными происходит весной. И гость, и хозяйка — в зените. Он скромный, весел. Туркины приятны и радушны. Котик полна надежд и возможностей. Старцев приходит и уходит, напевая романс: «Когда еще я не пил из чаши бытия».

Во второй главе атмосфера довольства и веселья господствует по-прежнему. Старцев влюблен, восхищен поэтичностью, умом Котика, ведет с ней серьезные разговоры об искусстве. Он мечтает, волнуется, жаждет объяснения. В главе преобладают взволнованные, полные лирической экспрессии интонации. Они достигают наивысшего напряжения в кульминационной сцене — на кладбище, где Старцев, опьяненный красотой лунной ночи, постигает тайну жизни — стремление к счастью, к любви, манящее человека и прекращающееся только со смертью.

Это — высший взлет в эволюции героя. Но год не прошел для героя даром: он располнел, разжился парой лошадей и кучером в бархатной жилетке. Грезы любви не мешают ему сознавать, что солидному человеку не к лицу вздыхать и таскаться по кладбищам.

В следующей главе мотив опошления героя нарастает. Старцев, приехавший делать предложение, рассеянно слушает остроты Туркина, думает о приданом. И, слыша предостерегающий голос рассудка, леденящего радость и теплоту в сердце, он опять вспоминает о приданом (видимо, этот довод убедительнее, чем любовные мечты).

После отказа Котика напряжение спадает, и, вспоминая о беспокойных днях влюбленности, Старцев говорит, потягиваясь: «Сколько хлопот, однако!»

Далее Старцев уже врач с большой практикой, располневший, страдающий одышкой, имеющий тройку с бубенчиками. Внутренне еще негодуя против обывателей, внешне он уже вполне примирился с ними. Страсть к желтым и зелененьким бумажкам, пахнущим духами, уксусом, ладаном, — запахи, символизирующие общественное положение их бывших обладателей, — становится постепенно единственным содержанием его жизни.

И вот изменившийся, опустившийся, «угасший» Старцев вновь через четыре года встречается с Туркиными, пошлая заскорузлость и монотонность жизни которых сказывается в неизменяющихся их привычках и пристрастиях. Все это уже не забавляет, а раздражает Старцева, как раздражает его изменившаяся, похудевшая, с новым, пытливым взглядом Котик. «А хорошо, что я на ней не женился», — подумал Старцев, окончательно отрезавшись от прошлого, с его надеждами, любовью, мечтами.

Взволнованные слова повзрослевшей, неудовлетворенной Котик о счастье быть земским врачом и служить людям напоминают ему об удовольствии, испытываемом по вече-

рам, когда он вынимает из кармана смятые бумажки. Огонек, чуть разгоревшийся в душе, гаснет. Старцев окончательно сливается с жизнью пошлого города.

В пятой, заключительной главе он, еще более ожиревший, с одышкой, пухлый, красный, с пухлым красным Пантелеймоном едет на тройке с бубенчиками. Он жаден, бесцеремонен, вял, раздражителен, одинок. О Туркиных он думает как о чужих. А у Туркиных ничего не меняется: постаревший хозяин все также тяжеломерно острит, хозяйка читает гостям свои романы, постаревшая Котик играет на рояле...

Всепроникающая стихия пошлости засасывает еще одного человека (Старцева), губит другого (Котика). В человеке гаснет человеческое, торжествует жадность. Перспектив нет. Старцеву, ставшему Ионычем, уже не возродиться; грустной, прихварывающей Кате уже не воскреснуть.

Пятая глава — эпилог, следующий за развязкой, в которой Старцев, раздраженный грустными испытующими глазами Котика, радуется, что не женился, и навсегда расстается с Туркиными, не заключает в себе ничего обнадеживающего, перспективного.

Там, где торжествует пошлость, нет надежд на обновление, не может быть перспективных концов, интимных интонаций, углубленно-психологического раскрытия внутреннего мира героя, лирического пейзажа, намекающего на высшие возможности человека. И в поступках, и в словах, и даже в мыслях герой «саморазоблачается», обнаруживает пустоту, исчерпанность своего внутреннего мира.

Основные этапы опошления героя даны в его изменившемся отношении к одним и тем же явлениям внешнего мира (к строю жизни Туркиных), в изменившейся наружности, в изменившихся обстоятельствах его жизни, опредмеченных в паре, потом в тройке лошадей с бубенчиками, в манере разговора, лирически приподнятой вначале, ворчливо-грубой в конце, наконец в интонации, интимно-лирической, медитативной в момент высшего душевного подъема (на кладбище) и иронически-обыденной в эпилоге.

Прорывающийся наружу в минуты высшего душевного напряжения лирический подтекст идет на убыль, затухает. Композиция по мере духовного оскудения героя упрощается. Исчезают лирический пейзаж, передающий очарование любви и мечтаний, диалоги, выражающие мысли и переживания, авторские описания внутренней жизни героя. Жизнь человека обесцвечена, выхолощена — и вместо мечтаний, переживаний, описания внутренних процессов фигурируют внешность, манеры, привычки, слова героя.

Из человека, с точки зрения которого ведется рассказ, глазами которого воспринимается жизнь, он превращается в объект наблюдения, несложная сущность которого колоритно выражена в его внешности и манерах. Антагонист, развенчивающий пошлую среду, сливается с ней и сам выражает ее сущность.